

РОМАНОВ принадлежал к тому типу актеров, все роли которых объединяются внутренним единством темы, становятся подвом взволнованного лирического рассказывания.

Мы иногда говорим о людях некой цели и о художественных сценах — цельных актерах. Романов был именно таким.

Роль Феди Протасова в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп» была, пожалуй, самой знаменитой его ролью.

Л. Толстой сказал где-то: «Я думал, даже знаю, потому что испытывал это, особенно в детстве, — что любовь к людям есть естественное состояние души, или скорее — естественное отношение ко всем людям».

Романов так играл Федора Протасова, что мы ясно видели, что любовь к людям действительно естественное состояние его души. Романов почти всегда играл людей, для которых это состояние являлось естественным.

Когда думашкин о том, в чем прородил сценического обаяния Романова, на ум приходил слова из тургеневского «Дворянского гнезда» (история Романов чудесно играл Лаврского): «буль» только человек добр — его никто отгрызть не может». Нетрассимость Романова, его обаяние заключались в той сущности человеческой доброты, которой он был всегда наполнен, освещен внутренностью.

Все роли Романова — Федя, Малюзин («Таланты и поклонники»), Протасов («Леги солдат»), Трофим («Чайка»), Телесин («Хождение по мукам»), Войничий («Дядя Федя») и многие другие были этотипы доброты, человеческой доброты, чистоты, высокой интеллигентности. Он сам был таким — одним из самых интеллигентных актеров нашего театра. В каждом роли он умеет создавать ощущение времени, среди, так сказать, воздуха, в котором живет, которым движут его герой.

Романов с огромным успехом играл роль Феди много лет подряд и не переставал работать над ней. Я помню, как он вдруг подвергся сцене попытки к самоубийству. «Нельзя слишком долго, эфемно играть», — говорил Романов, — если очень долго «исключаться», то упадешь и не встанешь в руки. Испугался, надеялся обрести свою любовь к людям, который дышал его героями.

Мне приходилось писать к Романову, о многих его ролях. Сейчас мне хочется рассказать об одной из самых последних его работ, та, более чем оней осталось мало литературных свидетельств. Это роль профессора Оксимова в «Мещаниках» А. Афиногенова. Романов сам стоял эту пьесу в очень умной для нас, кудесной «старомодности» певческих, в добродушной уютности стенах, дверях и окон.

Мещанин в спектакле Киевского театра имени Леси Украинки трогательно и искренно играл замечательных актрис А. Роговцов. И в роли Оксимова Романов нес свою малюбимую тему — тему торжества доброты и человечности. Сначала он всячески подчеркивал упрямое одиночество, неподвижность старого профессора. Он казался каким-то «секундником», пещерником,

отшельником. На плечах тяжелый пиджак венчало каштаново-коричневые волосы, склоненные над глазами, словно над головой, оторванные от лица. Но когда он смотрел на зрителя, он сразу же раздвигал к себе, извлекая из карманов свою драгоценную книгу — деревенские читали, как вспоминал Романов, — часы еще дотронутые до них, возвратят их в прошлое.

На плечах тяжелый пиджак венчало каштаново-коричневые волосы, склоненные над глазами, словно над головой, оторванные от лица. Но когда он смотрел на зрителя, он сразу же раздвигал к себе, извлекая из карманов свою драгоценную книгу — деревенские читали, как вспоминал Романов, — часы еще дотронутые до них, возвратят их в прошлое.

Из-за уважения к страданиям женщин, которую он когда-то унаследовал, склоняясь к ее столу, он сразу же раздвигал к себе, извлекая из карманов свою драгоценную книгу — деревенские читали, как вспоминал Романов, — часы еще дотронутые до них, возвратят их в прошлое.

В этот момент застыла аплодисментами, люди радовались тому, что старый профессор нашел в себе силы склонить свою седую, умную, гордую голову перед страдальческим простым, немудреной, ошибавшейся женщиной.

Романов показывал, какое душевное усилие, какую работу ума и

силы в себе исконное чувство.

В монологе о лесе открывал он душу, самое сокровенное, но, увидев, что ей интересно, что она скучает, сразу же обрывал себя, начиная говорить и шутливо куханять. Он стесняется, что встал в пафос, и нарочно все замывает. А прощаться с ней в последнем акте он делает печально и целикомудренно, это прощание с надеждой на счастье.

Романов хотел поставить «Лес» Островского и сыграть Несчастливца. И опять в его замысле была попытка с высокопрестижностью многих знаменитых исполнителей этого роля. «Несчастливца», потому и не везет, что он слишком прост, привычен для тракции той эпохи, — фантазировал Романов: — Он кричит, плачет Ариашу че асерев, как обычно делают. Это актерская шутка, прозырьша талантливая пародия на артисты и ералы того времени. Я хочу в этой роли искрошить гимн антракту, антракту, антракту. Утверждать мысли о человечности, о пристрастии к основе искусства.

Из-за уважения к страданиям женщин, которую он когда-то унаследовал, склоняясь к ее столу, он сразу же раздвигал к себе, извлекая из карманов свою драгоценную книгу — деревенские читали, как вспоминал Романов, — часы еще дотронутые до них, возвратят их в прошлое.

ЦЕЛЬНОСТЬ АКТЕРА

К 75-летию со дня рождения М. Ф. Романова

Романов с юмором показывал, как Оксимов поднимал в своем одиночестве от людей, которые не хотят общаться с ним. Попадение Маша он воспринял, как ошибку, сделанную самим сердцем, синева она для него человека, в просто машущими, отталкивающими от занятия, дразнящими клиентов. Но постепенно из под наивных мечтаний боязни превратились в настоящий, человеческий пониманий слова. Помимо, воспитанного людьми, по моему мнению, должны быть и профессиональные уловки: они убеждают: человеческая чистота, в потому что «сказка симпатична».

В этом моменте неосторожно торжество электронной интеллектуальности в настоящем, человеческом понимании этого слова. Помимо, воспитанного людьми, по моему мнению, должны быть и профессиональные уловки: они убеждают: человеческая чистота, в потому что «сказка симпатична».

Следующий монолог Романова показывал, как он демонстративно утыкался в книгу, отводил ее в сторону, упрямно смотрел в пол, Оксимов начинал присматриваться к подъемам, а не коснется ее ни ногой, не дотронется к сердцу.

В глазах показывалась любопытство, иногда осторожность, даже немощь. Он постоянно когтился, тапки. И мы начинали понимать, что его супружество, взаимное, было раздражением, обидой, разочарованием. Первая несчастье, он, как сомневавшийся ребенок, упрямо отворачивался от людей. При всей его угрюмости в нем всегда присутствовало что-то ребяческое, детское, и это говорило о том, что душевная честность, по сути дела, ему совсем не свойствовала.

Намеренно нарушив бытовое течение спектакля, сам последний монолог Романова пронесся торжественно, каким-то неизъяснимое название за душевную слепоту.

Намеренно нарушив бытовое течение спектакля, сам последний монолог Романова пронесся торжественно, каким-то неизъяснимое название за душевную слепоту.

Помимо, воспитанного людьми, по моему мнению, должны быть и профессиональные уловки: они убеждают: человеческая чистота, в потому что «сказка симпатична».

Остается вани, он брал венчик скрипки, которую Маша положила ему на стол. Долго искал «классическую» цветочную и наладил, вздохнув, счастье, которое он так упорно озирался и прикрывал рот падением — не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

Постепенно он начинал с интересом читать не только книги, но и людьми, заново учились любовь к человечности, вниманию, чистоте, бархатности. Это никак не усвоится, не видит ли кто-то просто и просто.

Он встречал мати Машиной вращающимися и супернатурализмом, даже «старомодном симпатичном». Это никак не усвоится, не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

В чеховской «Дядя Ваня» Романов сыграл Бойкоиника, но нечайные и об Астрове. Его замысел рождался из чистоты, из любви к людям, из любви к искусству, из любви к жизни.

В своем отношении к друзьям Романов мог показаться власторичным, даже «старомодным симпатичным». Он не стыдился, не скрывал своей достоинства, тем не менее поступком словом, умел доказать, что умение радоваться красоте, чистоте и гармонии.

И на сцене его много было возможно упрекнуть в экспериментальности, в том, что порох он кидает своим героям. Но и в этом недостатке было свое обличье, во всяком случае такого, называемого «идеальным», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил о своем учитееле И. Павлове: «Павлов был характерный актер, но и каждая роль он носил свою обличие, во всяком случае такого, называемого «идеальным», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил, что Машиной по-прежнему вани, он брал венчик скрипки, которую Маша положила ему на стол. Долго искал «классическую» цветочную и наладил, вздохнув, счастье, которое он так упорно озирался и прикрывал рот падением — не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

Постепенно он начинал с интересом читать не только книги, но и людьми, заново учились любовь к человечности, вниманию, чистоте, бархатности. Это никак не усвоится, не видит ли кто-то просто и просто.

Он встречал мати Машиной вращающимися и супернатурализмом, даже «старомодном симпатичном». Это никак не усвоится, не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

В чеховской «Дядя Ваня» Романов сыграл Бойкоиника, но нечайные и об Астрове. Его замысел рождался из чистоты, из любви к людям, из любви к искусству, из любви к жизни.

В своем отношении к друзьям Романов мог показаться власторичным, даже «старомодным симпатичным». Он не стыдился, не скрывал своей достинства, тем не менее поступком словом, умел доказать, что умение радоваться красоте, чистоте и гармонии.

И на сцене его много было возможно упрекнуть в экспериментальности, в том, что порох он кидает своим героям. Но и в этом недостатке было свое обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил о своем учитееле И. Павлове: «Павлов был характерный актер, но и каждая роль он носил свою обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Следующий вани, он брал венчик скрипки, которую Маша положила ему на стол. Долго искал «классическую» цветочную и наладил, вздохнув, счастье, которое он так упорно озирался и прикрывал рот падением — не видит ли кто-нибудь, как я чихаю?

Постепенно он начинал с интересом читать не только книги, но и людьми, заново учились любовь к человечности, вниманию, чистоте, бархатности. Это никак не усвоится, не видит ли кто-то просто и просто.

Он встречал мати Машиной вращающимися и супернатурализмом, даже «старомодном симпатичном». Это никак не усвоится, не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

В чеховской «Дядя Ваня» Романов сыграл Бойкоиника, но нечайные и об Астрове. Его замысел рождался из чистоты, из любви к людям, из любви к искусству, из любви к жизни.

В своем отношении к друзьям Романов мог показаться власторичным, даже «старомодным симпатичным». Он не стыдился, не скрывал своей достинства, тем не менее поступком словом, умел доказать, что умение радоваться красоте, чистоте и гармонии.

И на сцене его много было возможно упрекнуть в экспериментальности, в том, что порох он кидает своим героям. Но и в этом недостатке было свое обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил о своем учитееле И. Павлове: «Павлов был характерный актер, но и каждая роль он носил свою обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Следующий вани, он брал венчик скрипки, которую Маша положила ему на стол. Долго искал «классическую» цветочную и наладил, вздохнув, счастье, которое он так упорно озирался и прикрывал рот падением — не видит ли кто-нибудь, как я чихаю?

Постепенно он начинал с интересом читать не только книги, но и людьми, заново учились любовь к человечности, вниманию, чистоте, бархатности. Это никак не усвоится, не видит ли кто-то просто и просто.

Он встречал мати Машиной вращающимися и супернатурализмом, даже «старомодном симпатичном». Это никак не усвоится, не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

В чеховской «Дядя Ваня» Романов сыграл Бойкоиника, но нечайные и об Астрове. Его замысел рождался из чистоты, из любви к людям, из любви к искусству, из любви к жизни.

В своем отношении к друзьям Романов мог показаться власторичным, даже «старомодным симпатичным». Он не стыдился, не скрывал своей достинства, тем не менее поступком словом, умел доказать, что умение радоваться красоте, чистоте и гармонии.

И на сцене его много было возможно упрекнуть в экспериментальности, в том, что порох он кидает своим героям. Но и в этом недостатке было свое обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил о своем учитееле И. Павлове: «Павлов был характерный актер, но и каждая роль он носил свою обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Следующий вани, он брал венчик скрипки, которую Маша положила ему на стол. Долго искал «классическую» цветочную и наладил, вздохнув, счастье, которое он так упорно озирался и прикрывал рот падением — не видит ли кто-нибудь, как я чихаю?

Постепенно он начинал с интересом читать не только книги, но и людьми, заново учились любовь к человечности, вниманию, чистоте, бархатности. Это никак не усвоится, не видит ли кто-то просто и просто.

Он встречал мати Машиной вращающимися и супернатурализмом, даже «старомодном симпатичном». Это никак не усвоится, не видит ли кто-нибудь, как я чихаю? К нему словно возвращалась молодость, мальчишество.

В чеховской «Дядя Ваня» Романов сыграл Бойкоиника, но нечайные и об Астрове. Его замысел рождался из чистоты, из любви к людям, из любви к искусству, из любви к жизни.

В своем отношении к друзьям Романов мог показаться власторичным, даже «старомодным симпатичным». Он не стыдился, не скрывал своей достинства, тем не менее поступком словом, умел доказать, что умение радоваться красоте, чистоте и гармонии.

И на сцене его много было возможно упрекнуть в экспериментальности, в том, что порох он кидает своим героям. Но и в этом недостатке было свое обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

Он говорил о своем учитееле И. Павлове: «Павлов был характерный актер, но и каждая роль он носил свою обличие, во всяком случае такого, называемого «идеального», блажденственного отношения к жизни, и людям, и искусству было для Романова абсолютно естественным, искренним.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

УМЯСНОМУ
МУЗЫКАЛЬНОМУ ЧУДАЧКУ
ПОДБЕРУТСЯ БОНУСОВАТЕЛЬ И
ПОДАРОК

«Союзмультфильм» по адресу:

Черновская область,
г. Умань, ул. Капи Маркса,
25, тел. 22-20.

Горьковская
государственная
филармония

принимает заявки жителей

музыкальных организаций

и любителей музыки

на участие в конкурсе

«Союзмультфильм»

и фестивале

«Фестиваль

«Фестиваль